

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 405–411
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 405–411
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-405-411>, EDN: SOADZC

Научная статья
УДК 379.8-057.2(470.44-25)|192|193|

Эволюция форм досуга в повседневной жизни саратовских рабочих в 1920–1930-е гг.

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чолахян Вачаган Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AurlorID: 474841

Аннотация. В статье исследована эволюция различных форм досуга саратовских рабочих в 1920–1930-е гг. С приходом к власти большевики огромное внимание стали уделять воспитанию «нового человека». Объектом этой политики стали, прежде всего, рабочие, среди которых широкое распространение имели практики, провозглашенные новой властью «пережитками прошлого» – пьянство и религиозность. Выявлена противоречивая политика партийно-государственной власти к алкогольной проблеме. Представлена непримиримая позиция по отношению к религиозным праздникам и последовательная политика по замене их «культурными» формами досуга рабочих. Власть вторгалась в частную жизнь рабочих, стремясь наполнить привычные досуговые формы новым идейным содержанием. Все свободное у рабочих регламентировалось, имело политический подтекст, ориентировало их на строительство светлого будущего и преданность партии и Родине.

Ключевые слова: советская повседневность, воспитание «нового человека», досуг, Саратов, клуб, пьянство, антирелигиозная пропаганда, кино, театры, цирк, библиотеки, периодика, спорт

Для цитирования: Чолахян В. А. Эволюция форм досуга в повседневной жизни саратовских рабочих в 1920–1930-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 405–411. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-405-411>, EDN: SOADZC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of leisure forms in the daily life of Saratov workers in the 1920–1930s

V. A. Cholakhyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vachagan A. Cholakhyan, vcholakhyan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3474-5214>, AurlorID: 474841

Abstract. The article examines the evolution of various forms of leisure for Saratov workers in the 1920s and 1930s. When the Bolsheviks came to power, they began to pay great attention to the education of the “new man.” The object of this policy was, first of all, workers, among whom the practices proclaimed by the new government as “remnants of the past” – drunkenness and religiosity – were widespread. The contradictory policy of the party and state authorities towards the alcohol problem has been revealed. An irreconcilable position towards religious holidays and a consistent policy to replace them with “cultural” forms of leisure for workers are presented. The government invaded the private lives of workers, trying to fill the usual leisure forms with new ideological content. Everything free for the workers was regulated, had political overtones, oriented them towards building a bright future and devotion to the party and the Motherland.

Keywords: Soviet everyday life, education of a “new man”, leisure, Saratov, club, drunkenness, anti-religious propaganda, cinema, theaters, circus, libraries, periodicals, sports

For citation: Cholakhyan V. A. The evolution of leisure forms in the daily life of Saratov workers in the 1920–1930s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 405–411 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-405-411>, EDN: SOADZC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Советская власть уделяла первостепенное внимание вопросам организации труда и регулирования досуга рабочих. Законодательное установление восьмичасового рабочего дня фак-

тически стало гарантией наличия у горожан 16–18 часов, свободных от трудовой деятельности, т. е. времени отдыха, или досуга. И это свободное время населения советское государство

с его патерналистской политикой стремилась регулировать нормами социалистической морали для воспитания «нового человека» – патриота, труженика, борца за справедливость, строителя коммунистического общества.

Для формирования новой государственной идеологии в программе большевиков, принятой на VIII съезде РКП (б) 18–23 марта 1919 г., в числе первоочередных задач на переходный период от капитализма к социализму предполагалось «создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.» [1, с. 421]. Важной задачей партийных организаций становилось воспитание новых сознательных рабочих и вовлечение их в «строительство социализма». Успешное решение этих задач власть связывала с деятельностью общественных организаций и прежде всего профсоюзов и комсомола.

В организации досуга рабочих все больше утверждался производственный принцип, предполагавший культурно-просветительскую работу профсоюзов предприятий с целью «не отпустить рабочие массы в разные частные увеселительные заведения» [2, с. 7]. Основой культурно-просветительной работы утверждался рабочий клуб, ставший постоянным объектом внимания профсоюзных и комсомольских организаций. В советскую эпоху клубы превратились в общественный институт, призванный не просто организовать досуг рабочих в плане развития их творческих способностей, но и наполнить его новым идейным содержанием в духе преданности партии и Родине.

В Саратове в 1925 г. насчитывалось 14 клубов [3]. Местная власть рассматривала заводские клубы как альтернативу пивной и церкви. В клубах действовали библиотечные, физкультурные, шахматно-шашечные кружки, курсы рабкоров, политшколы и др., организовывались творческие вечера [4, л. 30]. Однако охват рабочих кружками был весьма низким. В частности, по данным 1935 г., из 5 тыс. рабочих саратовского завода «Комбайн» в кружковой работе участвовало лишь 180 чел., а из 2200 рабочих Трамвайного парка клуб посещало только 89 чел. [5, л. 1] Сами рабочие объясняли это так: «Нас в клуб не тянет, потому что там нет порядка, нет обстановки отдохнуть, мебели недостаточно, приходится простаивать до начала постановок» [5, л. 13]. Рабочие фабрики им. Самойловой отказывались посещать «читальню» клуба из-за вечного шума и гама в залах библиотеки, заявив: «А ну его, с клубом-то, хулиганства я что ли не видел?» [6, с. 2]. Кроме того, на посещаемости клубов отражалось их расположение за городом. Так, в докладе о работе клуба «Красный кожевник» отмечалось: «Расположение неудобное. Стоит за чертой города, чтобы попасть в клуб

надо пройти $1\frac{1}{2}$ версты заборов. Поэтому постоянная посещаемость слабая. Все рабочие живут в городе» [4, л. 43].

Особая роль в формировании «нового человека» в 1920–1930-е гг. отводилась молодёжи – центральной фигуре тогдашней жизни. Молодёжь, выросшая в 1920-е г., не знала старого дореволюционного фабрично-заводского уклада, и для неё понятия «комсомол», «партячейка», «рабочий клуб» и «линия партии» были совершенно естественны. Являясь носителем инновационного пафоса, она олицетворяла силу обновления общества и легко принимала идеальную реальность за «настоящую», а схему – за жизнь [7, с. 129]. Характерной чертой психологического облика рабочей молодёжи той эпохи был коллективизм, основанный на традиционных ценностях в большинстве своем выходцев из сельской местности. Молодые люди воспринимали окружающий мир как данность, упрощали жизненные проблемы и легко подвергались воздействию коммунистической идеологии. Они являлись носителями нового стиля жизни и быта, проявляя нетерпимость к «пережиткам прошлого», мешавшим, на их взгляд, дальнейшему продвижению вперед.

К таким «пережиткам прошлого» в 1920-х гг. советская власть относилась пьянство. В рабочей среде прочно сохранялись обычаи бытового пьянства: традиция «первой получки», «обмывание нового сверла», «спрыскивания блузы» и т. д. [8, с. 55]. В августе 1925 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была введена государственная монополия на изготовление и продажу водки [9]. По воспоминаниям современников, свободная продажа водки в 1925 г. привела к тому, что на улицах Саратова «снова появилось невероятное количество пьяных». Наблюдались случаи, особенно на окраинах города, когда «толпы пьяных граждан ходили по улицам, распевали песни, играли на гармониках, ругались, задевали прохожих» [10, с. 3]. Жители Саратова недоумевали по этому поводу: «До свободной продажи вина пьяных почти не было видно, т. к. никому не улыбалось быть забранным в ЧК или в милицию и в течение немалого времени подвергаться допросам: где, когда, у кого, за какую цену и на какие деньги приобретена была самогонка. Пьяные прятались сами и укрывались приятелями и родными. Теперь же вино продавалось открыто, следовательно, у людей исчез страх появиться в пьяном виде в общественных местах» [11, л. 45].

Доступность в цене винно-водочных изделий привела к расширению круга лиц, потребляющих алкоголь. В Саратове наблюдалось массовое явление – посещение рабочими, в особенности в праздники, а также в дни аванса и получки, различных пивных и билиардных, а у магазинов Госспирта зачастую можно было наблюдать целые очереди страждущих [12, л. 1].

Рост потребления населением спиртных напитков вызвал вполне обоснованные опасения власти. За август – октябрь 1928 г. в Саратове было зарегистрировано около 5 тыс. чел., находящихся на улице в нетрезвом виде [13, л. 81]. Если в 1926 г. от пьянства умерло 36 чел., то в 1928 г. – 45 чел. На некоторых предприятиях Саратова (завод им. Ленина, «Сотрудник революции», «Универсаль») по причине пьянства резко увеличилось число прогулов по неуважительным причинам (от 1,5% в начале 1928 г. до 4,7% в 1929 г.) [14, с. 24]. В 1927 г. и 1929 г. СНК РСФСР принял два постановления, направленных на ограничение торговли спиртными напитками: запрещалась продажа алкоголя несовершеннолетним и лицам, находившимся в состоянии опьянения, не допускался отпуск водки в культурно-просветительских учреждениях и организациях общественного питания [15, с. 224].

В августе 1928 г. по решению Саратовского Городского совета были закрыты 37 из 41 пивных, расположенных в рабочих районах города. На 25% сокращалось число казенных винных лавок, а торговля вином и водкой разрешалась только в магазинах Центроспирта [16, с. 83]. В сентябре 1928 г. Саратовский окружной исполком советов постановил «запретить торговлю хлебным вином, водочными изделиями, ликёрами, коньяками и прочей алкогольной продукцией крепостью свыше 20 градусов в праздничные дни и дни отдыха. Винозные в нарушении этого постановления по г. Саратову подвергались штрафу 100 руб. или принудительным работам до 1 месяца» [17, л. 48].

Наряду с административными мерами, власть решила подключить общественность для борьбы с этим социальным злом. В 1928 г. повсеместно стали создаваться Комиссии оздоровления труда и быта (КОТИБ) и Общества борьбы с алкоголизмом (ОБСА). В антиалкогольное общество Саратова входили представители от женотдела, комсомола, культурно и санитарно-просветительных отделов, профсоюзов и медицинского факультета университета [18, л. 67]. Члены общества проводили антиалкогольную пропаганду и агитацию, добивались закрытия пивных и «казенок», а освободившиеся помещения использовали для культурных целей: чайных, красных уголков и рабочих квартир [19, л. 56]. По их инициативе в Саратове в 1929 г. был открыт невропсихиатрический диспансер для лечения алкоголиков и наркоманов [20, с. 4].

Выбор стратегии форсированной индустриализации на основе жесткого регулирования и централизованного планирования в начале первой пятилетки predetermined отношение советского государства к производству и продаже алкогольной продукции. Власть пошла на максимальное увеличение производства и продажи алкогольной продукции в целях пополнения бюджета страны.

В то же время изменилось отношение к проблеме алкоголизма. Постепенно эта тема стала сходить со страниц печати, а ОБСА в 1932 г. прекратили своё существование. Если в 1920-х гг. пьянство рассматривалось как пережиток капитализма и результат «мелкобуржуазного влияния на рабочий класс», то в середине 1930-х гг. к этому добавился и политический оттенок – лиц, злоупотреблявших алкоголем, стали возводить в ранг приспешников «троцкистско-зиновьевской банды» [21, с. 41]. В условиях расширения производства и продажи алкогольной продукции, официальная статистика свидетельствовала о снижении потребления спиртных напитков в стране, хотя в действительности пьянство оставалось одной из форм досуга рабочих в этот период.

Другой устоявшейся формой досуга рабочих оставалась религия. Советская власть с первых дней своего существования поставила задачу отстранить церковь от участия в повседневной жизни населения. Курс на форсированную индустриализацию предполагал формирование у промышленных рабочих «индустриального менталитета» с атеистическим мировоззрением. В частности, директива ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» от 24 января 1929 г. предписывала активизировать антирелигиозную пропаганду для борьбы с «поповщиной, церковными обрядами и пережитками старого быта» [22, л. 1].

Прежде всего, из года в год стало сокращаться число церковных праздников: в 1924 г. в советском календаре уже отсутствовало Воздвижение, в 1925 г. – Крещение и Благовещение, а в 1930 г. их вовсе не стало [23, с. 310]. На рубеже 1920–1930-х гг. прошла кампания по закрытию церквей как центров праздничных торжеств. Одновременно с сокращением и отменой религиозных праздников власть заменяла их на революционные. Например, вместо праздника Преображения 6 августа 1929 г. стали отмечать Первый день индустриализации. Широкое распространение получили Красная Пасха и Красное (Комсомольское) Рождество.

Более эффективной мерой по вытеснению церкви от участия в повседневной жизни населения оказалась реформа рабочей недели. С началом первой пятилетки в 1929 г. произошел переход на непрерывную пятидневную рабочую неделю [24]. Это позволило сделать производственный процесс практически непрерывным, однако выходной день стал скользким и на разных предприятиях не совпадал. Нарушение устоявшейся периодичности будней и выходных негативно сказалось на досуге рабочих, сделав редкими семейные вечера и дружеские встречи, не говоря уже о церковных праздниках. Об этом свидетельствуют результаты анализа анкет «Автобиографий безбожников», проведенные И. Н. Дониной. Так, на вопрос о при-

чине отхода от совершения религиозных обрядов большинство респондентов отвечало: «Даже не успеваю отдохнуть, не говоря уже о церкви» или «в церковь не хожу, так как восемь часов работаю, а остальное время провожу за работой дома» [25, с. 27].

Особую роль в пропаганде атеистических идей власть отводила комсомольцам. Они организовывали на саратовских предприятиях «безбожные ударные бригады», «красные крестины» и «красные свадьбы», принимали участие в антирелигиозных кампаниях (например, в кампании по изъятию церковных ценностей) и работе общества «Безбожник», разыгрывали показательные суды над религией. В 1930 г. в Саратове провели комсомольскую Пасху с антирелигиозными лозунгами. В саратовских клубах организовывались атеистические лекции, беседы, ставились спектакли, выпускались специальные номера стенгазет [26, л. 408]. Новые советские праздники рассматривались как особый вид символизации власти. Стилистику революционных торжеств составляли красные знамёна, флаги, портреты вождей и выдающихся исторических личностей.

Именно комсомольцы, молодые рабочие активно боролись с «пережитками прошлого». Большевики всячески поддерживали подобные начинания молодежи, стремясь наполнить привычные формы досуга новым идейным содержанием. В частности, большое внимание уделялось развитию физкультуры и спорта, призванные подготовить молодежь к службе в Красной Армии. В Саратове первые спортивные кружки возникли при заводских клубах деревообделочников и клубе водников им. С. Разина в 1922 г. [27, с. 3]. В 1930-е гг. массовая физкультурная работа становилась обязательным элементом в досуге рабочих, а спортивные общества создавались на каждом предприятии и госучреждении.

Зимой 1931 г. в Саратове были проведены Краевой лыжный пробег и шахматно-шашечный турнир, а летом 1932 г. – спортивный праздник в честь III Краевой конференции комсомола. Во второй половине 1930-х гг., в связи с осложнением внешнеполитической ситуации, широкое распространение получили военно-прикладные виды спорта, военизированные марши, антивоенные дни. Все это способствовало организации свободного времени молодых людей, подчиняя их досуг к подготовке к службе в Красной Армии. Об этом, в частности, писала областная газета «Коммунист» в 1939 г.: «Физкультура и спорт служат великому делу защиты Родины», каждый «советский физкультурник – это заважнейший воин Красной Армии, всегда готовый сменить майку спортсмена на гимнастёрку бойца» [28, с. 3]. В 1939 г. в Саратове физкультурой и спортом занималось 30 тыс. чел. [29, л. 186].

Наиболее притягательной формой развлечения рабочих в этот период становилось кино.

Популярность кино среди населения, его способность сильно и эмоционально воздействовать на зрителей побудили большевиков к активному его включению в процесс воспитания «нового человека». По мнению В. И. Ленина, «пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» [30, с. 726]. Кинематограф способствовал укреплению советской идеологии в сознании рабочих. И хотя в кино было достаточно много вымышленного, иллюзорного, у неискушенного зрителя возникало непреодолимое желание поверить в правильность «генеральной линии партии» и реальность построения светлого будущего.

По этой причине большинство кинофильмов этого времени имели политизированный оттенок, повествуя о героях Гражданской войны и революции, жизни рабочего класса: «Ленин в 1918 году», «Чапаев», «Путевка в жизнь», «Юность Максима», «Трактористы», «Волга-Волга», «Веселые ребята», «Пётр Первый», «Александр Невский» и др. Среди иностранных фильмов особой популярностью пользовались «боевики». Как правило, перед началом сеансов демонстрировали хроникальное кино, которое знакомило советских людей с трудовыми успехами страны и информировало о событиях за рубежом [31, с. 38]. В 1931 г. в Саратове начала работать Нижне-Волжская студия кинохроники.

В период НЭПа в Саратове наблюдался настоящий кинематографический бум: число кинотеатров увеличилось с 6 в 1923 г. до 25 в 1928 г. [32, с. 57]. Наиболее популярными кинотеатрами для жителей города являлись «Первое Общедоступное кино», «Второе Общедоступное кино», «Прожектор», «Великий Немой», «Новый идеал», «Зеркало жизни» и «Фурор» [33, с. 2]. В последующие годы сеть городских кинотеатров стала сокращаться, что объяснялось их аварийным состоянием. В 1939 г. в Саратове имелось 10 кинотеатров, но зато активно практиковались открытые площадки и передвижные киноустановки в заводских клубах [34, л. 107]. Кино становилось наиболее притягательной формой развлечений для рабочих, а государственный контроль за репертуаром кинотеатров был гарантией нормирования сферы их досуга.

Политико-идеологические установки власти распространялись и на театры. Саратов еще до революции имел давние театральные традиции, а в годы НЭПа появилось несколько новых театров: «Потешный театр», «Арена Поэзма» (театр «поэтов, художников, музыкантов и актёров»), имени Ф. Энгельса. Как правило, их репертуар был рассчитан на вкусы «новой советской буржуазии» – нэпманов. К тому же билеты в эти театры стоили достаточно дорого, поэтому рабочие их редко посещали. Гораздо чаще трудящиеся Саратова ходили в театр имени К. Маркса, который территориально располагался близко

к рабочим окраинам города. Профсоюзы старались не только обеспечить рабочих льготными билетами, но и добивались включения в репертуар театра таких произведений, которые не противоречили идеологическим требованиям и давали «возможность театру вскрыть социальную и художественную ценность драматического материала» [35, с. 272]. В 1925 г. в Саратове был создан Художественный трест, главной задачей которого стал государственный контроль за репертуаром театров, чтобы «ни одна постановка не могла выйти без предварительного просмотра и одобрения её трестом» [13, л. 5].

В 1930-е гг. на сцене театра имени К. Маркса ставились такие произведения классической драматургии, как «Ревизор», «Горе от ума», «Король Лир», «Мещанин во дворянстве» и др. Среди постановок современных авторов выделялись пьесы на революционную тематику – «Первая конная», «Разлом», «Гибель эскадры», «Огненный мост», «Ленин», «Интервенция» и др. [34, л. 166]. Билеты на эти спектакли зачастую служили формой премирования на промышленных предприятиях за ударный труд. Профсоюзы добились выделения в театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского и драмтеатре специальных мест для передовиков производства. Например, в 1934 г. эти театры ежедневно посещали 250 и 325 ударников соответственно [36, л. 10 об.].

Еще одним доступным местом развлечений для саратовских рабочих являлся цирк, основанный еще в 1873 г. братьями Никитиными. В 1918 г. артисты организовали кооператив во главе с жонглером Н. Бенедетто, а в 1922 г. цирк перевели в подчинение отдела искусств Саратовского губсовета, т. е. сделали государственным [37, с. 12]. В 1928 г. деревянное здание цирка дореволюционной постройки было снесено из-за его ветхости. За сравнительно короткий срок, к 1931 г., по проекту архитектора Б. С. Виленского было построено новое здание цирка.

Горожане любили посещать цирк целыми семьями. Поэтому власть придавала большое значение постановке политико-агитационных цирковых номеров. Например, пантомима «Три даты» включала события 1905 г., день памяти В. И. Ленина и завершение первой пятилетки, призванные олицетворять связь времен и торжество идей социализма [38, с. 14]. Билеты в цирк также являлись одной из форм премирования передовиков производства. О популярности саратовского цирка свидетельствует его высокая посещаемость: к 1939 г. цирковые представления посетило 2,5 млн. чел. [39, с. 60].

Одной из форм проведения коллективного досуга и идейно-политического просвещения рабочих являлись библиотеки, призванные способствовать ликвидации неграмотности и введению всеобщего обучения. Чтение повышало культурный уровень рабочих, формировало классовую

сознательность. Поэтому весь библиотечный фонд страны подвергся жесткой цензуре: были изъяты книги «буржуазных авторов», а также часть иностранной литературы. Остались только книги, воспитывающие людей в духе социализма. С этой целью массовыми тиражами издавались такие произведения, как «Чапаев» Д. Фурманова, «Мать» М. Горького, «Железный поток» А. Серафимовича, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, а также «разрешенные» произведения А. С. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Отцы и дети» И. С. Тургенева. В 1939 г. в Саратове функционировали 94 взрослых и 2 детских библиотеки [40, л. 118].

Другими средствами массовой коммуникации в 1920–1930 гг. стали пресса и радио. Причем интерес к газете часто поглощал внимание к книге. Сами рабочие объясняли это так: «...романы, некогда этим заниматься, мальчишкой был – читал, а теперь не надо этого рабочему» [41, с. 190]. Периодика 1920–1930-х гг. отличалась большим разнообразием. В исследуемый период в Саратове выходили такие газеты, как «Саратовские известия», «Поволжская правда», «Саратовский рабочий», «Коммунист», «Ленинский путь» «Большевистская молодёжь», «Кино-известия», а также журналы «Коммунистический путь», «Нижнее Поволжье», «Нижне-Волжский парработник», «Красный путь» (печатный орган РУЖД), «Профгруппорг», «Вестник здравоохранения», «Право и суд», «Клещи» (сатирический журнал) и др.

На каждом крупном предприятии Саратова имела своя многотиражная газета, на страницах заводских многотиражек главными героями становились сами рабочие. Рабселькоры в своих заметках писали о передовиках производства, ударниках и стахановцах, распространяли их опыт работы. Такие публикации носили в себе мощный мотивирующий эффект для рабочих, вдохновляли их трудиться еще лучше.

Анализ архивных документов показывает, что чтение книг и газет не получило широкого распространения среди рабочих не только в силу их малограмотности, но и из-за излишней их политизации. Для приобщения рабочих к чтению фабрично-заводские библиотеки регулярно проводили в цехах, в «красных уголках» и общежитиях «читки» политической литературы, газет и журналов [42, л. 3].

Более действенным средством широкомасштабной идеологической пропаганды государственной политики стало радио, которое позволяло формировать общественное мнение даже среди безграмотных и малограмотных рабочих. В Саратове первый радиосигнал был дан 8 ноября 1926 г. В 1930 г. в здании Облсовпрофа был открыт радиовещательный узел, а через год появился радиотрансляционный узел на ул. Провиантской. После этого началась радиофикация

города, промышленных предприятий и рабочих квартир. Культотдел краевого совета профсоюзов разработал план и смету на 20 тыс. руб. на радиофикацию рабочих поселков, в том числе на установку около тысячи громкоговорителей на рабочих окраинах, в клубах и заводских комитетах [43].

Радио стало самой массовой коллективной формой информирования людей. Советское государство монополизировало радио. Советскому руководству удалось заложить в народе веру в реальность построения социализма без эксплуатации человека человеком, в светлое будущее, а радио, как чудо цивилизации, стало одним из символов прогресса на руинах старого мира. Благодаря радио люди стали ощущать себя частью своей великой страны, стремились развиваться и самосовершенствоваться. Власть соответствующими директивами и призывами всячески поощряла общественную активность рабочих, их тягу к знаниям, культуре, спорту, направляя ее в русло беззаветного служения социалистическому отечеству.

Таким образом, под влиянием политических, экономических, и демографических процессов в стране в 1920–1930-х гг. происходила эволюция форм досуга городских рабочих. В 1920-е гг. в повседневной жизни рабочих наблюдалось совмещение дореволюционных досуговых практик с крестьянскими, привнесенными «новыми рабочими» из деревни. Советская власть с ее патерналистской политикой стремилась воспитать «нового человека», полезного для общества и государства, строителя коммунистического общества. Эволюция форм свободного времени рабочих и рождение новой культуры досуга происходило во взаимодействии и взаимовлиянии старого и нового, реального и идеального, крестьянского и пролетарского под идеологическим контролем государства.

Свертывание НЭПа сопровождалось усилением агитационно-пропагандистской работы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по формированию социалистического образа жизни. На досуговую повседневность рабочих 1930-х гг. огромное влияние оказывали социальные последствия сплошной коллективизации, индустриализации, голод и массовые репрессии. Власть вторгалась в частную жизнь рабочих, стремясь наполнить привычные досуговые формы новым идейным содержанием. Все свободное у рабочих регламентировалось, имело политический подтекст, ориентировало их на строительство светлого будущего и преданность партии и Родине.

Список литературы

1. Ленин В. И. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 38. С. 417–446.
2. Сиротинин П. Профсоюзы Северо-Западной области // Вестн. профсоюзов. 1922. № 1. С. 5–14.
3. Семью рабочего – в клуб // Саратовские известия. 12 апреля 1925 г.
4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Оп. 4. Д. 396.
5. ГАНИСО. Ф. 594. Саратовский обком КПСС. Оп. 1. Д. 419.
6. Круговая работа в заводском клубе // Саратовские известия. 1924. 30 апреля. № 95. С. 2.
7. Модернизация в России и конфликт ценностей / отв. ред. С. Я. Матвеева. М. : ИФ РАН, 1994. 250 с.
8. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX. М. : Изд-во МГОУ, 2005. 175 с.
9. Положение о производстве спирта и спиртных напитков, и торговле ими. 28 августа 1925 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1925. Отд. 1. № 57. Ст. 426.
10. Пьянству бой // Саратовские известия. 1926. № 143. С. 3.
11. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 684.
12. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1159.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-521 Исполнительный комитет саратовского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, губисполком. Оп. 2. Д. 183.
14. Материалы к XIII партийной конференции 2-го района г. Саратова. Саратов : ОГИЗ РСФСР, Нижне-Волжское краевое отд., 1930. 32 с.
15. О мерах ограничения торговли спиртными напитками // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУ РСФСР). 1929. № 20. С. 224.
16. Материалы к отчету о работе Саратовского городского совета рабочих и красноармейских депутатов XVI созыва за время с марта 1927 г. по сентябрь 1928 г. Саратов : Нижн.-Волж. краев. изд-во, 1928. 90 с.
17. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 2. Д. 186.
18. ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 542.
19. ГАСО. Ф. Р- 521. Оп. 1. Д. 1737.
20. Общество борьбы с алкоголизмом (ОБСА) // Саратовские известия. 1929. № 143. С. 4.
21. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х гг. // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30–42.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культа при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1929–1938. Оп. 2. Д. 7.
23. Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 442 с.

24. О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40. Отдел первый. М., 1930. 392 с.
24. Постановление Совета Народных Комиссаров. О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю. 24 сентября 1929 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40–76. Отдел первый. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377210> (дата обращения: 25.10.2024).
25. Донина И. Н. Автобиографии безбожников как вид массового источника по социальной психологии рубежа 1920–1930-х гг. // Клио. 1998. № 3 (6). С. 24–31.
26. ГАНИСО. Ф. 6124. Нижне-Волжский краевой совет общества «Друг детей». Оп. 1. Д. 6.
27. Физкультура и спорт – в жизнь // Саратовские известия. 1923. 21 мая. № 114. С. 3.
28. Физкультура и спорт служат великому делу защиты Родины // Коммунист. 1939. 18 июля. № 163. С. 3.
29. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 421.
30. Ленин В. И. Беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1970. Т. 44. С. 274–285.
31. Ильин Г. В. Культурное строительство в СССР в годы борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937–1941). М. : М-во культуры РСФСР ; Московский государственный институт культуры, 1965. 109 с.
32. Статистический ежегодник (справочник) на 1928 г. Саратов : Сарат. губ. стат. отд. ГИКа, 1928. 647 с.
33. Из всех искусств важнейшим для нас является кино // Саратовские известия. 5 февраля 1925 г. С. 2.
34. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1071.
35. Культурное строительство в РСФСР : в 2 т. / ред. М. П. Ким. М. : Советская Россия, 1984. Т. 1, ч. 2. 358 с.
36. ГАСО. Ф. Р-1738. Исполнительный комитет саратовского областного совета депутатов, трудящихся. Оп. 6. Д. 3.
37. Цирк зовет // Зритель. Еженедельный журнал искусств Нижнего Поволжья. Орган Саратовского Художественного треста. 1925. № 1. С. 10–15.
38. Пять лет работы Саратовского государственного цирка, 1931–1936. Саратов : Сарат. госцирк, 1936. 22 с.
39. Материалы к отчёту Саратовского городского совета РК и КД с 1934 по 1 июля 1939. Саратов : Сар. гор. совет РК и КД, 1939. 94 с.
40. ГАРФ. Ф. А-374. Государственный комитет РСФСР по статистике. (Госкомстат РСФСР). Оп. 9. Д. 17.
41. Кабо Е. О. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М. : Книгоиздательство ВЦСПС, 1928. 290 с.
42. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1074.
43. Слушайте! Слушайте! Слушайте! Хроника развития радио в Саратовской губернии: 1924–1930 гг. / Столетие. URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/slushajte_slushajte_slushajte__288.htm (дата обращения: 25.10.2024).

Поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025